

Накануне 40-летия МХАТ

В. И. Немирович-Данченко

Четырнадцать лет назад я, беллетрист, не имевший отношения к театру, получил телеграмму: «Огромным интересом прочел вашу «Пугачевщину». Прошу разрешения поставить ее в Московском Художественном театре.—Немирович-Данченко».

Первый мой дебют был в Художественном театре, и все те чувства глубокого уважения и часто восторга, которые внушила мне творческая атмосфера Художественного театра, прежде всего ассоциируются с личностью Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Присутствуя на его замечательной работе над спектаклем, а иногда и участвуя в ней, я всегда выносил огромные и глубоко поучительные впечатления. Именно методом такой глубины должен работать над образом всякий серьезный художник.

Поражает работоспособность, страстность и неутомимость Владимира Ивановича.

Вот он объясняет актрисе, как она должна быстро, в трагикомической тревоге пробежать через всю сцену за своим уходящим партнером. Актриса делает это добросовестно, но требуемого темперамента в ее исполнении Владимир Иванович еще не видит. Он объясняет ей несколько раз, а у актрисы все как-то не выходит. Тогда он быстро поднимается на сцену, и сам с бурной стремительностью пробегает за партнером через всю сцену. Это пробежал не семидесятилетний Владимир Иванович, это пробежала средних лет меццанка, в трагический момент пьесы страшно встревоженная, что может пропасть ее полотноце!

Другой случай. Актеры должны изобразить страстный, полный любви и ненависти диалог мужа и жены, встретившихся смертельными политическими врагами. Опять Владимир Иванович показывает это в лицах многократно в течение часа—двух без перерыва. И как показывает!

Б суровой казачьей девушке, будущей «царице», жене Пугачева, пристал на улице охальник. Владимир Иванович показывает актрисе, как она обижает охальника не только словами, но и гневным взглядом пеломудренной вольной казачки.

Казачка стала «царицей». Она сознает весь трагизм положения и своего, и народного. Под тяжестью этого сознания она только-что провела тяжкую ночь в слезах и брани со своим богом. На сцене это не

показывается, но при выходе на сцену, в самом начале картины, актрисе надо показать, что все это она только-что пережила. На репетиции актрисе не удается изобразить пережитое героиней. Долго, безуспешно бьется над этим местом Владимир Иванович — не выходит.

— Оставим, давайте отдохнем,— говорит он.

Во время отдыха идет беседа о постановочных предметах, но как-то незаметно для актрисы разговор переходит на тему, глубоко, до слез волнующую ее.

— Продолжаем!—вдруг обрывает разговор Владимир Иванович. Актриска, с еще не высохшими глазами, продолжает прерванную репетицию и овладевает так упрямо неудавшимся местом.

— Прекрасно,— говорит Владимир Иванович, — зерно найдено!

Найти зерно образа, зерно пьесы — это основная, самая глубокая его работа, поражающая тонким анализом и сверкающая часто неожиданными открытиями.

Так однажды вскрывал он зерно, подоплеку одного из персонажей пьесы, юркого жулика, спекулянта, не брезгающего никаким мелким, грязным делом «жучка». Владимир Иванович долго и детально анализировал его сущность, потом вдруг задумался и совершенно неожиданно для всех заявил:

— По-моему, это человек очень солидный, импонирующий интеллигентностью, пожалуй, что-то вроде профессора.

Актеры удивлены:

— Откуда тут профессор!

Но больше всех удивлен автор, хотя его удивление — иного порядка.

— Представьте! — сознается он, — прототипом для этого персонажа мне послужил именно профессор и именно с такими чертами и даже с такой дальнейшей судьбой.

Всякий, работающий с В. И. Немировичем-Данченко, может привести очень много таких моментов, таких сторон в его работе. Но основная сущность работы и его, и руководимого им Художественного театра — страстное неутомимое искание и неудовлетворенность найденным. В этом их великая заслуга перед советским искусством.

К. ТРЕНЕВ.

МХАТ—отец реализма в театре

40-летие Художественного театра им. Горького — это праздник не только коллектива этого театра и не только работников искусства вообще, но и всего нашего народа.

Художественный театр зародился в условиях, когда в России подавлялось все живое, талантливое, правдивое. Слово, зазвучавшее со сцены МХАТ, было воспринято всем передовым обществом, как знамя борьбы за новый театр, за новое искусство — искусство жизненной правды.

Реализм Художественного театра превратил его сцену в трибуну. И не случайно с МХАТ связаны имена Чехова и Горького.

Крепкие основы Художественного театра позволили ему пройти свой 40-летний творческий путь под знаменем художественной и социальной правды, что роднит его с нашей великой революцией и великой коммунистической партией, которые провозгласили и осуществили новую правду жизни.

Художественный театр мне особенно близок потому, что моя творческая судьба очень тесно связана с ним и его руководителями—Константином Сергеевичем Станиславским и Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко. В 1920 году, когда я начала работать в Большом театре, студия Станиславского находилась при Большом театре, и я целый год училась в ней и работала под руководством незабвенного Константина Сергеевича. Не приходится говорить, какую огромную роль в моей жизни сыграл этот

год общения с великим реформатором русского театра в его студии. Вскоре судьба меня свела и со вторым основателем Художественного театра—В. И. Немировичем-Данченко, который предложил мне партию Кларетты в комической опере «Дочь мадам Анго». Эту партию я исполнила более 100 раз.

Я могу смело сказать, что Художественный театр такой же родной мне, как и Большой театр.

Такая близость к Художественному театру наполняет сердце чувством гордости, так как за 40 лет существования МХАТ и особенно за вторую половину своей жизни, при советской власти, значение этого театра для всех видов искусства настолько выросло, что без него, без его системы невозможно какое бы то ни было начинание в области театра. Он стал подлинным отцом реализма в театре, и это чувствуют не только драматические, но и музыкальные театры. Это стало особенно ясно последние годы, когда появились советские оперы, требующие строгого реалистического воплощения. А у кого учиться реализму, художественной правде, как не у Художественного театра.

Чем больше думаешь о Художественном театре, тем больше проникаешься к нему благодарностью за ту систему, которую он выработал и которая дает ключ к раскрытию всей силы и красоты художественной правды в театре.

В. БАРСОВА.

Народная артистка СССР, депутат Верховного Совета РСФСР, орденосец.